

Верность как спасение (сборник)

Автор:

Евгения Михайлова

Верность как спасение (сборник)

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Тоня мечтала помогать людям и готова была ради этого полностью изменить собственную жизнь. Но сможет ли она пожертвовать своим счастьем ради соперницы?

Кристина не знала, как избавиться от навязчивого поклонника, и обрадовалась, когда он пропал. Но потом она поняла, что Артемию нужна помощь...

Настя отказалась от блестящего будущего, чтобы быть рядом с любимым мужчиной, для Антона она была готова на все. Но оценит ли он ее жертву?

Мир жесток и несправедлив. Не каждый верит, что в нем есть место истинной любви и взаимопониманию. Евгения Михайлова на примере героев своих остросюжетных рассказов, обычных людей со слабостями и недостатками, показывает – пока человеческое сердце способно чувствовать чужую боль, мир не обречен, а счастье возможно.

Евгения Михайлова

Верность как спасение (сборник)

© Михайлова Е., 2017

Зависть

Это была главная тайна Жанны. Самое важное и напряженное занятие, которое уверенно вытесняло все остальные. Зависть.

Зависть управляла всем. Подмяла под себя все чувства. Они возникали подчиненно, просто вытекали из той жгучей смеси, которую вызывали в Жанне люди – сначала некоторые, потом большинство, потом все. Ей казалось, что все люди лучше, счастливее и успешнее, чем она.

Жанна перестала ужасаться самой себе, понимая, к примеру, что она завидует маленьким детям, идущим с мамой за ручку или вопящим вокруг песочницы. Дети так ярко и нарядно одеты, с ними сюсюкают, им постоянно что-то предлагают: яблоко, мороженое, воду. Спрашивают, что они хотят на обед. У них дорогие игрушки, прекрасные велосипеды, электромобили, мобильные телефоны. Это так не похоже на скучное и суровое детство Жанны с эмоционально сухой и скупой до безумия матерью. Жанна проходила мимо детских площадок с безучастным видом и ловила приятные для себя моменты. Ребенок упал, больно ударился, ревет. Мать разозлилась, схватила малыша за руку, отшлепала. Настроение Жанны поднялось.

Мало кто догадывается о том, что можно завидовать инвалидам, больным и старым. Только Жанна знала, какие это разные, чаще всего эгоистичные люди, которые привыкли от всех ждать жалости, подарков, внимания, любой помощи и подачек. Только им дано спокойно лежать и смотреть любую чушь по телевизору, ожидая, пока что-то положат в клювики. А Жанне нужно что-то придумывать. Ей придется тяжело зарабатывать себе на жизнь. Никто не позаботится об ее образовании, никто не собирается за него платить. Никто не отведет за ручку в теплое место, где дают зарплату за сидение у компьютера.

Мать сказала: «Не забывай. В восемнадцать ты свободна от меня, я – от тебя. Ищи работу и подумай о своем угле. В твоей комнате будет наша с Васей спальня. После твоего дня рождения мы ждем ровно два месяца, потом меняем ключи на входной двери в квартиру».

Вася – это новый муж матери. Жанне восемнадцать исполнится через полгода. И у нее нет никого, ни одного человека, к которому можно было бы обратиться за помощью.

Нет, она, конечно, не пропадет. Не белоручка и совсем не дура. Предложений работы – масса. Но дело в том, что все работающие люди делятся всего на две категории. Одни пашут за гроши, другие сразу попадают к кормушке, не потратив на это ни времени, ни сил.

Жанна была уверена, что у всех богатых и успешных людей есть могущественные покровители. И вторая удачливая категория – это не только детки чиновников, это все знаменитые и в чем-то преуспевшие люди.

Жанна могла бы петь, танцевать, руководить компанией, писать романы, стихи, рисовать картины. И если бы у нее были нужные связи, если бы кто-то вложил в нее большие деньги – тогда бы и она стала знаменитой. А все эти бредни про таланты – сказки тех, кто прикрывает ими жестокую и пошлую реальность, в которой никакой талант не нужен в принципе. За деньги можно любую бездарность или обычного человека раскрутить, чтобы получить еще большие деньги.

Жанна страстно ненавидела всех, чье имя попадалось на глаза на страницах газет и в Интернете, и эта ненависть становилась все слаще, все необходимее, давала сил, как терпкое и горькое вино.

Жанне противны были так называемые добрые люди, а на деле – лицемеры, которых все окружающие возносили, как святых. Ведь это тоже такая роль, и в конечном итоге каждый из них преследует корыстную цель. Жанна не считала себя жестокой и бесчувственной. Просто она никому не говорит, если ей жалко того, кому больно, страшно, одиноко. Она умеет читать выражения лиц, глаз, скованные движения. Она жалеет человека в тот миг, когда он того заслуживает. Когда лицо его искажено страданием, когда он бледен и боится смерти. Она поможет в этот миг. Но как только на то же лицо вернется румянец, глаза начнут радоваться всякой ерунде, руки протянутся за очередными подачками, – Жанна сразу с брезгливостью и презрением отвернется. Несчастье тогда несчастье, когда оно себе не изменяет. А потом начинается блаженное существование всеобщего иждивенца, которому бессонный и тревожный человек не может не завидовать. Нужна смелость, чтобы человек признался в

этом сам себе. У Жанны такая смелость была.

Самым отчаянным, притягательным и жгучим объектом зависти Жанны была красота. Шквал чувств, которые она вызывала, был сродни множеству выстрелов отравленными пулями. Она была повсюду – красота на продажу, красота, которую еще никто, кроме Жанны, не увидел, и даже красота выдуманная.

Жанна покупала дамские романы в ярких обложках, читала описания внешности героинь, мучилась, как под пытками, но не могла оторваться. За книгами одной писательницы она охотилась особенно. Писательница вдохновенно и ярко описывала своих героинь, которые попадали в разные беды, но в итоге всегда находили счастье. Героини были исключительными красотками, вызывающими всеобщее вожделение.

Если бы Жанна могла, она бы нашла эту писательницу и заплатила ей за другой финал. Пусть она напишет, как эти проклятые красотки помирают в муках, как понимают всю тяжесть своего преступления. Ведь это преступление – вызывать у всех сильные чувства. Но писательница продолжала создавать банальные финалы. Она всегда спасала своих злосчастных красавиц. И Жанна, дочитав очередной роман, который долго искала, швыряла книгу в окно, а сама задыхалась от никому не ведомых мучений, которые на пике, как самая острая боль, превращались в своего рода удовольствие. Такое «удовольствие», что Жанна наутро сползала с кровати, как муха, у которой оторвали крылья и лапки. Сил умыться не было, но оставались силы желать болезней и смерти самой писательнице, которая разбудила такой пожар в ее душе.

Жанна не была уродом. Наоборот: складная и симпатичная девушка. Но самая обычная, такие встречаются по десятку на пару квадратных метров. Она не выделялась, вот в чем проблема. Жанна ненавидела свою типичную внешность. Ведь никто не знал о том, что за глубокий, страстный, ни на кого не похожий человек за ней скрыт. Если бы природа расщедрилась на красоту, Жанна перевернула бы мир.

А так она просто иногда выбирала себе объект для дружбы и зависти. И все зрела в ней мысль: довести хоть кого-то до заслуженной участи. Незаметно, по-умному вывести на точно рассчитанную тропу и принести в жертву собственной зависти. Досмотреть до конца и остаться в стороне. И подарить себе эту тайную, важную, переломную для своей судьбы победу.

Девочка с редким именем Таисия и громкой, известной фамилией Азорова пришла к ним в девятый класс. Тася была дочерью «колбасного короля», богатого и всесильного. Конечно, перед ней стелились и учителя, и одноклассники. Такой кадр в обычной школе! А девочка была на редкость скромной и простой. И отец ее был таким же. Он привык и к своей власти, и к тому, что его дети сразу занимают везде особое положение, ничего для этого не делая. И Кирилл Азоров воспитывал их разумными и критичными к себе людьми. Никаких привилегий по сравнению со сверстниками. Умение ценить лишь свои собственные заслуги, а не то, что заработал папа.

Тася была бы отличницей в любом случае. Но она сама ценила лишь те пятерки, которые тяжело давались. Например, по языку и литературе, которые любила гораздо меньше, чем математику. Одевалась Тася едва ли не проще всех девочек в классе. Наряды ее мало заботили. Она не красилась, не носила украшений. Сверкала лишь той красотой, которую даровала природа, – хорошей кожей и блестящими волосами. Красота ее была не броской, не навязчивой, не липкой и не шоколадной. Чистый взгляд серых ясных глаз, русые локоны, розовые губы, всегда готовые улыбнуться...

Да, вот такой подарок получила зависть Жанны. Начиная завидовать хоть с начала, хоть с конца, и Жанна сделала свой выбор. Она легко стала лучшей подругой Таси. Жанна была умна, с необычным, сдержанным поведением, с редким умением находить нужные слова в серьезных ситуациях и анализировать чужие поступки. Тася была доверчивой и открытой, лесть и подобострастие ей претили. В лице Жанны она нашла подругу, которую искала.

Шло время, промчались школьные будни, приблизился выпускной вечер. Со стороны казалось, что дружба девочек крепнет, становится почти родством. И Жанну никто бы не уличил в лицемерии. Его не было. Она действительно была ближе всех к подруге, потому что постоянно изучала ее. Она жила, дышала, преодолевала ночи и дни в терпком воздухе своей самой главной страсти, которая становилась все невыносимей. Это была страсть ожидания. Жанна ждала Тасиной беды. И очень боялась, что этого не случится. Боялась, что любимцы судьбы надежно защищены от всех напастей, которые достаются лишь обычным людям.

Небо послало Жанне то, чего она у него просила, так внезапно и в таком полном объеме, что она даже растерялась. Был момент, когда ее сердце дрогнуло от

потрясения и жалости к Тасе. Но Жанна не ослабела: она отлично знала, что такие моменты проходят, люди оправляются от любых бед и взлетают на новый уровень своего великолепия, несовместимого с покоем Жанны.

Могущественные враги Кирилла Азорова затеяли организованную травлю с целью свергнуть «колбасного короля». Сначала была битва гигантов, только по одну сторону – он один, а против него – безжалостная стая. Азоров не сдавался, добровольного отречения в пользу других не случилось. И наступил день, когда отца Таси вывели из дома в наручниках после суточного обыска с привлечением соседей-понятых. За его спиной плакали младшие дети, металась в панике жена-домохозяйка, от которой требовали показаний против собственного мужа. И застыла в отчаянии Тася. Девочка на пороге своего большого, обустроенного и защищенного со всех сторон будущего в один момент стала отверженной. Толпа, которая вчера еще ее обожала, обрушила на Тасю шквал презрения. Такой поворот мог вынести сам Кирилл, но не его ясная, простая, доверчивая дочка. Он готовил ее к жизни в добром и справедливом мире.

Когда Тася вошла в класс после ареста отца, о котором трубили все каналы и газеты, к ней подошла только Жанна. Остальные даже не поздоровались, а глаз ненасытных не отвели. Так и шла дочь поверженного короля под любопытными и злорадными взглядами.

И все же Тася сумела победить свое первое отчаяние. Она точно знала одно: отец невиновен. И научилась ставить окружающих на место одной фразой. Тася повидалась с отцом, поговорила с его адвокатами и, гордо подняв подбородок, проходила свое первое испытание. Она была уверена, что справедливость восторжествует. Так сказал папа.

Следствие тянулось, дело затягивалось, в нем явно обозначились две борющиеся стороны. Началась обильная утечка: речь шла о провалах и подтасовках обвинения. И никто не ловил любую информацию так жадно, как Жанна. Ее воображение уже забегало вперед. Победившая принцесса и ползущие к ней на коленях со всех сторон холоуи-предатели. Новый виток блистательной судьбы, которая станет лишь более устойчивой и заманчивой для других. А Жанне только и останется в очередной раз проклинать свою судьбу.

А пока она одна была рядом с Тасей. И очень уместно, осторожно, под нужным соусом доносила до подруги болезненную информацию. Где-то мелькнуло сообщение о том, что мать Таси видели нетрезвой. Без конца горе-репортеры

ловили людей, которые за деньги продавали им сплетни из жизни семьи Азоровых. Бывшие домработницы, служанки, охранники – многие нашли время и место, чтобы поделиться воспоминаниями. Тасю эти разговоры ранили страшно, больше, чем обвинение отца. Обвинение может рухнуть под тяжестью доказательств, липкие сплетни останутся на поверхности скандала. А Жанна понимала, что это все не материал. Это не то, что окончательно успокоит ее зависть.

И вдруг случилось совсем уж невероятное. На один «желтый» канал притащили бывшую гувернантку детей, которую Азоров выгнал за воровство. Наглая девица в красном платье, с ярко покрашенными губами и нарисованными глазами поймала свой единственный шанс стать знаменитой и, скорее всего, богатой.

– Это вранье, что он меня выгнал за воровство, – заявила Клава Васильева, вольготно сидя в студийном кресле напротив ведущего. – Все наоборот: Азоров пытался мне заплатить за молчание, а я не взяла. И ушла потому, что не могла больше выносить эту мерзость. Кирилл Азоров приставал к своей старшей дочери Тасе. И его жена об этом знала, потому и начала пить. Не скажу, конечно, что между ними было, но то, что отец к Тасе приставал, докажу.

– Тьфу, гадость! – сплюнул рядом с Жанной ее отчим Василий. – У них точно все провалилось, раз делают ставку на такую тухлятину.

А ставку действительно сделали. И все явно было заготовлено заранее. По заявлению Клавы Васильевой начали новую проверку: по факту педофилии. Опять обыски, но уже совершенно дикие. Из документов и альбомов Азорова изымали фотографии его детей и пачками отправляли на экспертизу по факту детской порнографии. Жену и детей допрашивали. С Тасей беседовали разные специалисты в присутствии врачей и психологов много раз. Впереди был осмотр у гинеколога и проктолога.

Девочка потеряла десять килограммов за неделю. Она ходила с застывшим лицом и совершенно белыми губами, но слез ее не видел никто. Жалоб не слышала даже Жанна.

Но накануне осмотра Тася ей позвонила сама:

– Жанна, ты мне нужна. Только ты мне нужна. Я тебе верю. Только тебе. Ты можешь мне помочь. Приходи, пожалуйста, к нашему подъезду. Это займет немного времени.

Жанна шла, а сердце ее бешено колотилось в ребра. Оно почувствовало, что это финал. Тася встретила ее, благодарно сжала руку холодной ладошкой и повела в подъезд своего семнадцатизэтажного дома. Вызвала лифт, но нажала кнопку не своего пятого этажа, а семнадцатого.

– Чтобы никто нас не видел и услышал, – объяснила она Жанне.

На последнем этаже они вышли на открытый общий балкон. День угасал и тонул в солнечном кровавом мареве.

– Жанна, ты моя единственная подруга, сейчас ты мой главный и родной человек. Сразу скажу: ты не сможешь изменить мое решение. Ты можешь только помочь мне в самом важном деле жизни. Я все очень понятно написала. Это для них. Для всех. А тебе объясню просто. То, что они сейчас придумали в войне против папы, невозможно преодолеть словами. Они завтра увидят только одно: то, что я девочка. А вся эта грязь останется. Папа, может, и справится. А меня она уже утопила. Ты понимаешь, что такое Интернет. Я со своей фамилией и внешностью не спрячусь даже на необитаемом острове. Это меня достанет везде. Об этом будут знать все люди, все мужчины. Об этом узнают мои дети, папины внуки. И кто-нибудь обязательно будет говорить, как это всегда бывает: «Ну, тогда просто не доказали». Это можно прервать только одним способом – вместе со мной. В этой бумаге я клянусь своей чистой жизнью и такой же смертью, что не вынесла подлой клеветы. У меня лучший отец на свете, это не понять пошлым людишкам, которые знают лишь мерзость. И пусть они осматривают мое тело. Только без меня. Возьми письмо.

Тася говорила, Жанна слушала не дыша. Это было так великолепно, так красиво. Это действительно единственный способ всех победить и все доказать. Это способ стать всемирно известной в один ослепительный миг, стать бессмертной королевой для всех девочек и девушек. Жанна видела прекрасные, недостижимые в своей святости и благородстве портреты, проникновенные слова и слезы в честь необыкновенной Таисии Азоровой. Да, она спасет не только отца. Она спасет свой род, в котором не будет только ее детей...

Тася вложила в ее руку письмо и легко взлетела на перила балкона. И Жанна уже знала, что делать. Она мысленно уже поменяла их местами. Сейчас она поймает свой единственный шанс. Это она влетит в ослепительное бессмертие.

Жанна резко сдернула Тасю за пояс джинсов. Когда та упала на пол, Жанна изо всех сил сжала ее запястья: «Это чтобы были синяки, ты сопротивлялась». Сунула письмо ей в карман, вытащила свой телефон, нажал запись видео и быстро сказала:

– Прими, пожалуйста, от меня этот подарок. Так надо, ты скоро поймешь. Все будет как ты сказала. Мы победим сейчас их. Вот я сейчас обращаюсь к ним, ко всем: это вы хотели убить мою подругу. А я без нее все равно жить бы не стала. Мы с этой девочкой сейчас одно целое, но ей еще нужно жить, чтобы спасти отца. Я не могу ее уговорить, я не хочу ее уговаривать. Я только своей жизнью могу остановить страшную клевету. Никто лучше меня не знает, что это за люди. Что это за чистые и светлые люди. Тася, ты должна остаться, чтобы вызвать «Скорую» и полицию. Они, может, успеют меня спасти. У тебя все будет, дети тоже. А у меня все есть. Прощай.

И начался стремительный полет для всех участников этой истории. Не было только Жанны, осталась лишь память о ней. И в море слез огромного количества людей были скупые и самые жгучие слезы Таси. Все случилось как сказала Жанна. Кирилл Азоров вышел на свободу, его сторонники разоблачили клеветников. Дело не просто прекратили, началось другое, настоящее – по факту клеветы и доведения до самоубийства. Поступок Жанны, которая спасла подругу ценой своей жизни, все называли подвигом, самоотверженностью святой души. Литератор-правозащитница написала об этом повесть. Спектакль по ней поставил молодежный театр «Театр. com». Девочки писали стихи и пели песни о великой ПОДРУГЕ. И никогда Тася не догадается, что сама Жанна назвала бы это завистью. Такой невероятный придумала Жанна финал своей маленькой несчастливой жизни.

Создать образ

Тоня была хорошо воспитана, хорошо образована. У нее была приятная внешность. Светло-русые гладкие волосы, серые глаза, интеллигентное

продолговатое лицо с правильными чертами. Проблема была в другом. Тоня не вписывалась ни в какой коллектив из-за слишком самостоятельного, независимого характера. И еще ей самой категорически не нравилась собственная внешность. Тоне не хватало в себе как раз того, что ее изысканный и капризный вкус презирал в других. Женственности, врожденного кокетства, соблазнительности, ванильной сладости образа.

Была бы она такой, то сумела бы подать себя как совершенно необычную роковую женщину. Такую, которая лишь с помощью сильного ума сдерживает свое гипнотическое воздействие на мужчин. Пытается скрыть свою притягательность, редкую сексуальность, а они все равно прорываются, и уцелевших мужчин вокруг нет. Вот только этого Тоне не хватало. Все остальное в жизни она поняла и знала, как строить судьбу, карьеру, дело и покой.

Беда была в том, что отсутствие желаемого внешнего эффекта Тоня переносила все болезненнее. Это стало препятствием для достижения нужных целей.

Но перемены не заставили себя ждать. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Тоня уволилась из бедного и тоскливого НИИ, в котором штатные психологи, коим Тоня являлась, собственным коллективом разрушали все свои разработки и рекомендации о совместном творчестве, сотрудничестве и взаимодействии. Сотрудники – в основном женщины за тридцать – друг друга раздражали, друг другу мешали, объединяло их одно: всем было стыдно нести домой с работы то, что называлось зарплатой.

Тоню постоянно преследовало ощущение, что это и не работа вовсе. Что она никому не помогает. Просто «заговаривает боль» и «снимает порчу». Это не профессия, это не результат. Но не начинать же все сначала? Выбирать другую профессию, получать другое образование... Нет, не в образовании и не в методах дело. Надо выйти к людям напрямую и по ходу уже понять, что им требуется. А там, даст бог, сил и ума хватит.

А для начала требуются звучный аккорд, яркий свет, которые привлекут внимание. Люди ищут помощи в потемках и чаще всего идут на все броское, завернутое в сверкающий фантик.

Тоня дала себе три месяца на поиски выхода из положения. На большой период времени растянуть сумму ее скромных сбережений невозможно. А выход

нашелся через неделю. Просто явился в деталях и красках, как единственный вариант, как возможность соединить работу и свои самые рискованные и недостижимые мечты. И оставшиеся деньги Тоня смело начала тратить на достижение цели. Без сомнений и оглядки, так она была уверена в том, что идея верна.

Нужно создать образ, нужно начать его продвижение, а ниша подвернется сама.

Несколько дней она придирчиво изучала сайты актрис и моделей, затем работы выбранных фотографов. Оставила две кандидатуры, а после телефонных переговоров сделала выбор в пользу более дорогого, менее известного и совсем не изысканного фотографа, зато наполняющего свои работы необузданным эротизмом. Менее всего для Станислава было важно сходство. Его модели на разных снимках казались разными женщинами.

Он приехал к Тоне с большим саквояжем тряпок и косметики. Станислав обходился без костюмеров и стилистов не из экономии, а потому, что сам создавал модель и результат. Приступая к делу, еще не знал, что получится. Тоне он велел смыть косметику и раздеться до белья.

Фотограф занавесил окна черным полотном, зажег все светильники и софиты. Тоню изучал детально, пристально, чуть ли не под лупой. Она пыталась поймать его взгляд, но было полное ощущение, что он сейчас ее не видит вовсе. Станислав рассматривал ее не как человека, а как сложный рисунок на вышивке тонким шелком. Затем стал снимать камерой с огромным объективом. Снимки – не меньше полусотни, – которые он выводил на монитор компьютера, – казались Тоне кадрами фильма ужасов. Она никогда не думала, что из ее простой внешности можно получить такое устрашающее зрелище. Каждая складочка, морщинка, папиллома, отек или провал, любой нечаянный взгляд, выдающий страх или робость, усталость или разочарование, – на гипертрофированных кадрах Стаса превращались в карту человеческих уродств. Грубые ключицы казались строительными конструкциями. Маленькая, нет, скорее мелкая грудь выглядела нелепо и даже непристойно под тяжелейшим, совсем не женским подбородком. Боже, Тоня даже не представляла, насколько у нее уродливый подбородок! Если бы увидела такой у кого-то другого, сказала бы, что им можно кирпичи разбивать. А вялый живот, ноги с провисшей кожей на внутренней стороне бедер... И ведь ей, несчастной, всегда казалось, что у нее хорошая спортивная фигура – не худая, не толстая, не требующая больших хлопот. Для поддержания достаточно лишь утренней гимнастики.

Через несколько часов Тоня была практически без чувств. Надежда, кажется, скончалась. А измученный мозг лишь вычитал из суммы ее сбережений сумасшедший гонорар за этот сеанс «изучение объекта». Куда они могут приплыть из такой гавани? А каждый последующий сеанс создания образа – это еще большие суммы. Впрочем, при заключении договора Стас сказал, что можно платить в рассрочку. Тоня всю жизнь холодела от слов «долг», «рассрочка» и «кредит». Это для нее разновидности самого страшного понятия – кабала. Тюрма и рабство. Она не влезла бы в рассрочку даже ради того, чтобы не умереть с голоду. А тут так влипла.

Наконец Станислав погасил самые слепящие лампы, выключил компьютер и взглянул на Тоню. Впервые взглянул, как на живого человека.

– Слушай, а ты что-то синяя совсем. Ты не сердечница случайно?

– До сих пор ею не была, – храбро ответила Тоня. – Сейчас не знаю.

– На сегодня все, – заключил Станислав. – Деньги, как договорились, переведешь на карту. А я дома покумекаю, что у нас может получиться. Так какой образ тебе нужен? Назови предметно. Конкретную личность или героиню фильма для примера.

Тоня перевела дыхание и проглотила жесткий комок, который мешал говорить.

– Ранняя Бриджит Бардо, только гораздо интереснее. Бьющий, даже убивающий эротизм, сексуальность и при этом интеллект, эрудиция, авторитетная позиция.

– Нехило, – хмыкнул Стас. – Ранняя Бардо – это лет двадцати? Тебе сколько?

– Мне сорок два, – непримиримо сказала Тоня. – Но заказ будет именно такой. Договор в силе, если меня устроит результат. Оплачивать готова в рассрочку, любую сумму.

– Понял, шеф, – поднялся Стас. – Эти баулы оставляю. – Он кивнул на вещи и аппаратуру. – Дома поработаю с тем, что у меня получилось. Через три дня вернусь. А ты хорошо питайся и как следует выпись. Я за результат ручаюсь, главное, чтобы ты дожила до такого счастья. Шутка.

– Юмор – твоя сильная сторона, – сказала сухо Тоня, – только не слишком им злоупотребляй, твой мозг может быть не рассчитан на большое напряжение. Это я как специалист говорю.

– А ты змея, – добродушно усмехнулся Стас. – Это хорошо. Может пригодиться. Стервы – они сексуальные.

Как тонуть в черных днях? Не пытаться выплыть – только это и поняла Тоня. Не думать о том, что ты своими ногами оттолкнула прошлое, а перед будущим поставила невыполнимую задачу, как мачеха перед Золушкой. И нет больше связи между тобой и людьми, между тобой и твоим делом. Да что дело... Даже тело твое цепенеет в ужасе из-за конфликта с головой.

Но она дисциплинированно ела по часам и старалась спать ночью. Это удавалось лишь со снотворным. В одном не было сомнений. Силы понадобятся. Если доживет, как сказал этот придурок.

Перед приходом Станислава Тоня и не подумала краситься или укладывать волосы. Сняла халат и натянула джинсы с майкой. Открыла дверь фотографу, кивнула хмуро и подумала: внешность у него по-настоящему мужская – крупное, волевое лицо, ежик волос, пристальный взгляд. Но какая же у него странная профессия, господи-боже-мой! Создавать образы по фантазиям истеричек. Из этих же истеричек. Хотя по суммам получается, наверное, неплохо, даже если все кончается на этапе «изучение объекта». Неадекватных объектов вокруг пруд пруди.

Стас прошел в гостиную, как по своей квартире. Включил только обычный, верхний свет, открыл свой ноутбук.

– Готова? Присаживайся. Посмотри.

Тоня начала рассматривать галерею то ли снимков, то ли картин. Разные женщины. Блондинки, брюнетки, шатенки, рыжие. Одетые, полуодетые и совсем раздетые. Волосы длинные, короткие, прямые, локонами. Кажется, разного возраста. Общее одно – или откровенный, бьющий наповал эротизм, или якобы скрытый, тайный соблазн. Вот как у этой чопорной дамы в больших очках, с гладкими волосами, затянутыми сзади в пучок, в глухом черном платье под

подбородок, длиною до щиколоток. А рот у нее яркий, с вызывающей красной помадой, она призывно облизывает губы острым язычком.

Стас смотрел на Тоню с улыбкой.

– Ты еще не въехала?

И только после этого вопроса Тоня поняла, расшифровала свое недоумение. Да это все она! Стас подфотошопил к ней разные волосы и разную одежду. Он что-то выделил, что-то спрятал в ее внешности. Но она узнает и свои глаза, и свой рот, и свой тяжелый подбородок, просто все это подано в другом ключе, товарном, что ли... И, конечно, никаких мелких дефектов из той картотеки уродств, какая была вначале.

– Ничего себе! – выдохнула Тоня. – Ты, наверное, гений.

– Без наверное, – небрежно ответил Станислав. – Но учти: это только начало. Фотошоп – это проба моего пера. Работать придется и тебе.

Так начался второй этап. Стас одевал Тоню в принесенные вещи, красил и причесывал. Затем вновь снимал до потери ее пульса огромным объективом, выбирал свет, иногда почти убирал его. На этот раз фотограф устал больше, чем Тоня.

– Нелегкая это работа: из болота тащить бегемота, – заключил он известным детским стишком почти ночью и вытер пот со лба.

И Тоня не сказала ни слова по поводу его чувства юмора. Станислав ушел еще на два дня, чтобы вернуться с первыми снимками Тони в новом образе.

Еще день они работали вместе. Как соавторы. Только руководила уже Тоня. Она соединяла, выбирала, ставила новые требования. И, наконец, спокойно и удовлетворенно произнесла:

– Все. Это. Это оно. Этот образ мы должны развивать, углублять, открывать с разных сторон. И теперь главное: этот образ должен быть неповторимым и узнаваемым. А мое имя на его фоне – сразу смотреться как бренд. Давай так:

«Антонина Станиславовна, независимый психолог».

– А что, мне нравится. И меня не забыла. Я вроде папы Карло, да?

– Да.

С первыми, яркими, выразительными, не самыми откровенными фотографиями Тоня открыла аккаунты во всех соцсетях. На Фейсбуке, «ВКонтакте», «Одноклассниках», в Твиттере, Телеграмме, Инстаграмме. Выложила подготовленные публикации на разные темы. Это были ее научные статьи, доклады, рефераты, сокращенные, изложенные почти разговорным языком, с броскими примерами, адаптированные к прочтению на бегу, мельком. Что-то непременно зацепит, если не любого, то многих. Темы: от сексуального воспитания детей до борьбы с семейным насилием. От бытового цинизма до политических преступлений. У нее был цепкий и внимательный взгляд, живой и образный язык, выводы созерцателя, ученого и судьи.

Через месяц у Тони было десять тысяч подписчиков, через два – пятьдесят. Она уже оборудовала одну комнату как приемную для посетителей. Оформила свою практику как частную предпринимательскую деятельность. Услуги практикующего психолога. Парадокс: два месяца назад у нее была приличная сумма сбережений, и она панически боялась с ними расставаться, боялась провала и нищеты. Сейчас у нее не было ни копейки. Все вложила в Стаса и оборудование кабинета, а страх сменился уверенностью. Тоня чувствовала, что все получается. Что она сделала очень верный ход. На свете миллионы независимых, свободно блуждающих психологов. Но ни одному из них не пришло в голову – поразить всех своим необычным внешним видом, притянуть взгляды и разогреть нервы. Даже чувственность разбудить: она помогает мозгу понять мысль и смысл сказанных слов. Да, аудитория Тони была в нее немного влюблена. В том и смысл проекта.

Последние деньги она потратила на то, чтобы зарегистрировать частную предпринимательскую деятельность по месту жительства. Дальше шла речь о доходах. Через неделю Тоне пришлось посадить знакомую девочку-студентку секретарем на домашнем телефоне: записывать посетителей в очередь. Называть им время и сумму.

Тоня много работала, была в постоянном процессе улучшения своей внешности. Ничто так не стимулирует человека, как ежедневные просмотры твоих фотографий десятками, а затем и сотнями тысяч незнакомых людей. От этого в результате зависят и профессия, и заработок. Но люди ко всему привыкают. И Тоня решила выйти на следующий уровень. Видеокontakt с аудиторией.

Стас просто пожал плечами: «Нет проблем». И стал ее личным оператором. Экспериментировали они, как и раньше, в Тониной квартире. Задумка такая и была: видео не профессиональные, а почти домашние. Самой простой камерой, в обычной комнате, но на пределе возможностей оператора.

И опять все началось с провала и депрессии. Тоня смотрела на первые записи и не сомневалась, что такой страшной бабы она еще не видела. Стас тихо потешался. Еще не задействован редактор, он еще не нашел свет и ракурс. Тоня сама еще не представляет, как она хочет выглядеть. Говорить в кадре умные вещи – это не просто смотреться милой картинкой. Одно другому может мешать. Тот сексуально-безмятежный образ, к которому стремилась Тоня, может убивать смысл сказанного. И тогда всему конец. Текст, просто написанный и условно связанный со снимком, работает совершенно иначе.

Тоня вновь металась в поту по ночам, лихорадочно думала, делала наброски текста. Она вновь была в растерянности.

Они записали множество текстов, она меняла одежду, Стас ее по-разному красил и причесывал. Все было не то.

– А не бросить ли нам эту затею к чертям собачьим? – однажды осенило Стаса. – Не идет, ты же видишь. Ты свои умные мысли изрекаешь, стараясь не менять форму накрашенных толстым слоем губ, ты возмущаешься чем-то, а сама боишься, что будут видны морщины. Насколько проще все было раньше. Кто хотел – читал умные посты, кто хотел – смотрел на клевую телку.

– Нет, – упрямо сказала Тоня. – Не бросим. Будем искать.

То, на чем они остановились, не было совершенством, мягко говоря. Человек искушенный их хитрость без труда бы понял. Но в большой аудитории, распространяющей видео в геометрической прогрессии, нашлось немало людей, которым такой вариант общения показался более доступным и

предпочтительным. Возник эффект личного знакомства. Клиентов стало намного больше.

Но Тоня и Стас работали над каждым видео как проклятые. В этот раз Тоня не оставила своему фотохудожнику места для фантазии. Она жестко все лимитировала. Только один ракурс, свет только с такой стороны, одежду и макияж она выбирала сама. В результате Стасу приходилось писать это, практически лежа на полу, всегда слева, и держать камеру в одном положении. Тоня сидела очень прямо, умудряясь и говорить экспромтом, и не двигаться ни на миллиметр в рамках выбранной позы. Выглядело это так: женщина с ярко накрашенными глазами и губами, в платье или с огромным декольте, или с расстегнутыми пуговичками по всей груди бесстрастно и почти без выражения произносит очень серьезный текст. Она говорит о свободе личности, о связи между внутренним рабством и любым преступлением, начиная с бытового криминала и кончая политическим садизмом. Она рассказывает жестокие, подчас страшные истории. И зритель перестает думать о том, почему он видит только часть лица, о том, при чем здесь декольте и тесный лифчик, подтягивающий маленькую грудь до Тониного эротического идеала. И никто, конечно, не догадывался о том, что лишь в таком положении подбородок кажется меньше, губы полнее, глаза больше.

Возник неожиданный даже для Тони эффект. Статичность картинки, неподвижность лица, слишком ровный тон голоса, эти подчеркнутые детали сексуальности в сочетании с мощным, жестко реалистичным текстом казались виртуозно придуманным приемом. Женщина, созданная для жизни, в одежде для свидания, сидит неподвижно на краю пропасти. Она говорит другим, что там ад, который страшнее смерти, потому что создан людьми здесь и сейчас. Создан палачами и жертвами в равной степени. И она, рассказчица-пророчица, потому и застыла от понимания и скорби.

Получилось и это. Нашлось множество людей, для которых именно такие прямые обращения оказались открытием. Они услышали то, что не смогли бы прочитать, понять в написанном бесстрастном тексте. Тоня расширяла круг тем, искала свои способы помощи людям в тяжелых ситуациях.

Но однажды она честно призналась самой себе в том, что проблема возникла у нее. Проблема диковинная, неслыханная, никем не предусмотренная. Тонин образ стал диктовать ей свои условия. Он сражался с ее ясным умом и пытал женский организм. Тоня теряла себя, не знала, каких еще сюрпризов ждать от

образа. Она попала в какое-то зазеркалье.

Это возникало внезапно, душной, постыдной волной. Тоня выходила из дома скромной, интеллигентной женщиной, быстро шла по делам в обычной одежде, которая не мешала движениям, скрывала недостатки фигуры, не бросалась в глаза. И вдруг в массе других людей, бесполой толпе она начинала видеть только мужчин и женщин, чье главное стремление – найти друг друга, загореться, уйти от догм, норм и приличий.

Ее возбуждали грубые люди, которые говорили друг другу откровенные вещи, непристойные комплименты. И тот факт, что с Тоней все общались вежливо, если замечали ее, она переживала болезненно, как унижение. Стеснялась сама себе в этом признаться, но это было так. Понимание настигало ее безжалостно. С кем она могла этим поделиться? Как? В какой форме? И Тоня пользовалась той трибуной, которую сама создала для огромной и анонимной человеческой массы.

Она писала личные, откровенные посты. Рассказывала о том, как ее, к примеру, в темном переулке догнал незнакомый мужчина. Как грубо он ее схватил, как она умело отбилась, прибежала домой, а там ее настигла страсть. И где теперь найти того мужчину? Это темы-провокации, они вызывают обсуждения на месяцы. Все считали своим долгом дать совет. Масса новых подписчиков. Тоня успокаивала себя, что она делает это для привлечения клиентов, и только.

Шло время, такие признания становились все откровеннее, Тоне становилось на мгновение легче. Ей было стыдно перед собой. Но образ продолжал требовать привлечения к себе такого внимания. Тоня читала в комментариях грубые признания, тяжелые и безвкусные комплименты, понимала, что с ее стороны это обман, но выйти из образа уже не получалось.

Однажды утром Тоня, как будто окончательно не проснувшись, бросилась к компьютеру и написала очередную ерунду, ради того, чтобы употребить безобразные и подзаборные слова, которые где-то услышала, и слова ее вдруг стали мучить.

«Я шла сегодня в магазин, разогрелась под горячим солнцем, зевала и мечтала лечь на травку, а какой-то страшный мужик в рабочей робе сначала не пропускал меня, уставившись как баран на новые ворота. А когда я его обошла, сказал вслед: «Девушка, какая у тебя нарядная жопа».

Тоня нажала «отправить». Какое-то время сидела неподвижно, под непрерывные звуковые сообщения о комментариях и лайках. На сегодня аншлаг на ее страничке обеспечен. Она выключила компьютер, подошла к зеркалу, взглянула в усталые и честные глаза умной и порядочной женщины, которая так много знает о смысле всех вещей, и поняла, что нужно спасаться. Достала с полки бутылку красного вина и отпила прямо из горлышка. Она в таком тупике. Она даже не на распутье, потому что возможность свернуть давно пройдена. А ловушку для себя Тоня изобрела сама.

В ближайшие же дни Тоню настигло следующее открытие. Образ беспощаден не только к ней. Он вытесняет ее профессиональное и человеческое отношение к другим людям. Не просто к людям, а к тем, кому она взялась помогать. Это было уже страшно.

Тоне позвонила женщина. Говорила сбивчиво, путано, но все было понятно. Эта женщина – беспомощная жертва домашнего насилия. Ее муж – чудовище. Двое маленьких детей. У нее нет возможности ни бежать, ни работать, ни придумать, как найти средства для существования. Муж не дает ей денег даже на болеутоляющие лекарства после побоев. Она увидела ролик с Тоней и с тех пор мечтает с ней встретиться. По крохам сумела отложить какие-то деньги на консультацию из того, что муж оставляет на продукты.

Женщину звали Марией. Когда она немного успокоилась, то рассказала такие детали, от которых у Тони привычно зашло сердце. Она представила себе эти описанные сцены. Молодая женщина кормит, купает детей, учит их читать и писать, старается с ними гулять, играть и улыбаться, а сама с холодеющим сердцем ждет вечера. И вот открывается дверь, и заходит он. Всегда мрачный и подозрительный. Сначала пытается ее сумасшедшими вопросами: где была, с кем говорила, кто ее видел. А потом включает детям мультики на полную громкость и ведет жену в ванную. Закрывает дверь изнутри, она берет в зубы полотенце, чтобы не кричать. И он начинает ее избивать. Жестоко и умело. Потом он уходит ужинать с детьми и укладывать их спать, а Мария смывает кровь и ползет на четвереньках к супружеской кровати. И, не имея права даже плакать от боли, ждет там еще супружеского изнасилования. Тоже в жестокой форме.

Они договорились о времени консультации в тот час, когда Мария может попросить свою маму посидеть с детьми. Тоня стала продумывать порядок действий. Нужно работать не только и не столько с женщиной, нужно найти подход к мужчине. Не поучать, не стыдить, а войти и в его положение. Задача не

для слабонервных. Тоня к слабонервным никогда не относилась. Просто это тот случай, который именно для нее и есть самое сложное. Насилие, подавление личности, рабство – это фобии самой Тони. Это поле, на котором цветет ее ненависть, ее жгучий протест. Она подчас ненавидит свою профессию. Какое, к черту, понимание! Такая скотина, как муж Марии, должна все испытать на себе.

Тоня допустила мысль о том, что у нее сейчас достаточно денег, чтобы обзавестись особыми исполнителями, которые будут вершить справедливость, как она себе ее представляет. И в качестве научного эксперимента это тоже имело бы смысл. Каким станет человек, если пропустить его через мясорубку тех же унижений и мук, какие он приготовил самому близкому и слабому человеку. Женщине. Жене. Матери своих детей. А последствия, разоблачения? Если все сделать по уму, никто ничего не докажет. Никто не обнаружит связи.

У Тони не было личного опыта насилия. Единственный случай, когда хватило независимого, гордого характера и богатого воображения. Ее родители ни разу пальцем не тронули в детстве. Она принимала как должное их любовь и отвечала взаимностью. Но однажды раздраженный чем-то отец пригрозил: «Я тебя выпорю». И все. Через час он об этом забыл. Но за этот час умерла любовь его дочери к нему. Знал ли он об этом? Догадался ли? Тоне кажется, что да. Она росла, а он смотрел на нее все с большей тоской. И говорил иногда: «Ты – гвоздь, в мое сердце вбитый». Так они и не объяснились никогда до его смерти. Отца давно нет, а тот протест и ее нелюбовь до сих пор живы. Она не простила его. Что говорить о людях, для которых это не просто слова? О детях и женах, измученных болью и унижениями в скрытой от всех глаз камере пыток под названием «семья».

И вот Мария пришла. Был яркий и жаркий день. Невысокая, полноватая женщина в длинном платье из черного сатина в мелкий цветочек, на голове темный платок, завязанный по-деревенски – концами назад. Они вошли в кабинет: плотные шторы там всегда задвинуты, горят мягкие, приглушенные светильники. Обстановка, успокаивающая нервы и дающая иллюзию полной защищенности.

Совсем мало времени понадобилось Тоне для того, чтобы снять скованность Марии, растопить ее застенчивость. Женщина вздохнула, развязала с облегчением платок и даже улыбнулась. Да, все так, как Тоня и предполагала. На нежном, бледном виске – кровоподтек, край губы разбит, а здоровый и белый зуб в нижнем ряду сломан.

Прошло минут десять, и Мария говорила с Тоней, как не говорила ни с кем. Ее положение истязаемой жертвы люди, даже близкие, воспринимали как тяжелую увечность, давно перестали жалеть. Это был ее выбор, значит, с ней что-то не так. С бывшими подругами и одноклассницами Маша давно не общалась. Ей чудилось и осуждение, и злорадство. Она была школьной красавицей, а они – нет. Теперь она самая несчастная, она вроде и не совсем человек. На нее иногда смотрят с брезгливостью, так ей кажется.

– А что я могу? – спрашивала Мария. – Квартира его, деньги его. Дети маленькие, и он их любит. Детей он никогда не обижает. Они одеты, накормлены, никаких денег он не жалеет, когда они болеют. И куда я их потащу? Да он, если захочет, просто отберет их, я ничего не докажу. Скажет, что я изменяла, что он меня не бил, я все придумала.

– Ты его любила? – задумчиво спросила Тоня.

– А не знаю, – махнула рукой Маша. – Выбил он мне все это из головы. Помню, как бегала на свидания, как хотела ему нравиться. Помню, что мне было хорошо с ним в первое время. А как именно хорошо – уже забыла. Может, ему так нравится меня мучить, что я уже не женщина. Я, как бревно, рядом с ним. Кроме страха и боли, ничего не чувствую.

Она произнесла эти слова спокойно, и так это было чудовищно, нелепо, жестоко и несправедливо, что у Тони заныли все нервы, а глаза прикипели к этой женщине – пленительной, созданной для любви и полного счастья. К этой женщине, растоптанной, как сладкий плод. Лицо Тони было совершенно спокойно, и голос не дрогнул. Но она ненавидела человека, которого никогда не видела. Константина, мужа Марии.

Она задавала вопросы о нем, Мария старательно и подробно отвечала. Тоня видела его все отчетливее, она искала уязвимые места для того, чтобы попытаться с ним поработать. Как – это техническая проблема. И она, конечно, без особого труда читала эту несложную, сумрачную и погрязшую в своем преступлении душу. Да, это упертый, жестокий тип, физиологией которого совсем не управляет мозг. Или наоборот: тусклой, неразвитой физиологией управляет именно дефектный, изломанный, извращенный мозг. Все, что у него есть для обладания такой прелестной женщиной, – это физическая сила. Он не может ее заставить себя полюбить так, как ему хотелось бы. Он сам не верит в

то, что его возможно полюбить. И он делает то, что может. Он убивает жену. Убивает ее красоту и женскую суть.

Мария продолжала говорить, она была почти счастлива такой возможности – просто разделить с кем-то все, что с нею происходит. Это уже было огромной помощью в ее положении узницы деспота и вампира.

Тоня смотрела на нее уже не своим взглядом. Она смотрела на нее взглядом мужа. Любого другого мужчины. И вдруг произошло что-то ужасное. Тонино сознание как будто затуманилось. Это было невероятно сильное вмешательство в ясный и привычный процесс изучения и понимания. Как инъекция сильнодействующего препарата. Он исказил Тонин взгляд. Да, тот самый осколок зеркала, который причиняет боль смотрящему, убивает доброту и объективность. Это был выход Тониного образа. Он впервые проявился в таком варианте.

Тоня видела красивое лицо, которое не просто не испортили следы побоев. Они лишь оттенили редкую женскую привлекательность. Под скромным сатиновым платьем напрягалась и манила полная и красивая грудь, которой не нужны ухищрения с особыми лифчиками. Мария положила ногу за ногу, и Тоня поняла, какой магнит для мужчин эти упругие бедра, округлые колени, маленькая стопа. И глаза у Марии большие, карие и томные, и губы полные, зовущие без помады и ухищрений фотографа Стаса... И все это муж Константин оставляет без присмотра. А Мария без него ходит по улицам, встречает других людей, и у всех есть возможность делать с ней в мыслях все, что они хотят. А она... Кто же поручится за то, что она никогда не ответит. Она же забыла, как женщине бывает хорошо...

Тоня остановила себя, когда почувствовала не свое желание. Она испытала ярость и страсть мужчины, сила которого стала безумной и тупой. Раздавила его собственное сердце и надежды. Неизвестно, кто из них большая жертва. Она – слабая, испуганная, обиженная, или он – неспособный подчинить или уничтожить ее красоту. Тоня на мгновение поняла, как живет человеку без света веры. А ее образ продолжал с пристрастием и тоской изучать Марию. Тоня смотрела на нее глазами ревлившей соперницы, злорадных одноклассниц, которые в школе не были красавицами, для которых настал час их внутренней мести. Таким женщинам, как Мария, чего-то такого и желают другие женщины, категорически не такие.

И в какой-то момент разговора Мария вдруг вздрогнула, зябко передернула плечами и растерянно посмотрела на Тоню. Она почувствовала. Она, знающая лишь злобу, сумела что-то уловить в их необычном, профессионально выверенном контакте. А Тоня опять не шевельнулась, никак не выдала боль пронзившего ее стыда. Она была сейчас врачом, переставшим бороться за жизнь больного. Она стала предателем дела. Своего дела. Чистого и безупречного лишь в одном случае: когда нет конфликта между сердцем и умом. Когда долг рождает любовь. Это и было всегда богом Тони. Долг есть любовь.

– Какая ты чуткая, Маша, – мягко сказала она. – Да, ты сразу поняла: я думала о том, что чувствует твой Константин, что его ведет, толкает, заставляет... Такая у меня работа – я должна понять и его. Я же не суд, не прокурор. Мне труднее искать выход. Общаться и с ним, искать общий язык. Не беспокойся, он ничего не узнает о нашем знакомстве. Сейчас передохнем, и я расскажу тебе, какой у меня план. Он есть.

Тоня вышла в кухню и там минут десять разбиралась с собой, укрощала свой образ, советовалась с опытом и чувствами. Вернулась с маленьким подносом. На нем стояли два бокала красного вина и пиала с орешками и конфетами.

– Глотни, дорогая. Я хочу, чтобы ты согрелась. Не удивляйся. Я не обычный психолог. Я, наверное, совсем не он. Я долго искала и, кажется, нашла дело, которое стало моей миссией. Я хочу быть другом и помощником тем, кто попал в беду. Я хочу быть неправильной, но нужной. Вот и все, чего я хочу.

Мария пригубила вино, съела шоколадку. Она была так похожа на осчастливленную прелестную девочку, что Тоне захотелось срочно найти ей настоящего мужчину – сильного, мудрого, такого, которому дано оценить масштаб своего счастья. И понять, что счастье – не сплошная эйфория. Счастье – это тяжесть, забота, боль. И все такое драгоценное – не променяешь на самый блаженный покой.

– Ты, как жемчужина, порозовевшая от солнца, – сказала Тоня. – Об этом я думаю. О том, как впустить в твою жизнь свет и солнце. Но без твоей помощи мне не справиться. Нам нужно разрушить эту тайную крепость. Этот запор в ванной, это полотенце в зубах, твой страх – испугать детей, открыть, раскрыть, сделать все явным... В вашей тайне, которая давно известна всем, как в гнилом болоте, размножаются опарыши безнаказанности. В этом все дело. Константин боится многого, не боится только ответить за свои поступки. Это разрушило его

мозг. Надо попробовать вправить. Ничего страшного – ни полиции, ни судов. Ничего такого, что могло бы повредить еще больше тебе и испортить жизнь детей. Немного искусства. Сейчас я тебе все объясню.

Дальше началась просто работа по плану. Тонин метод – переходить от пункта к пункту неотвратно, несмотря ни на что. Ее подсознание еще металось и путало мысли, но дело уже стало самоцелью, не уязвимой ни для каких помех. Тоня назначила Марии еще несколько встреч. Приготовила для нее «шпионскую» аппаратуру – маленький, плоский мобильник, который можно скрыть даже в белье, портативные видеокамеры, особые препараты, которые можно спрятать хоть в банку с крупой, хоть в стакан для зубной щетки. А сама закружилась вокруг их дома и того автосервиса, где работал Константин. Вскоре она знала очень многое о невысоком сутулом мужчине с хмурым, вечно усталым лицом. Тоня знала о нем гораздо больше, чем Мария, которая без него не провела ни одной ночи их несчастного брака.

А проблемы самой Тони – непонятные, жгучие, настолько запутанные, – они были в силе. Она теряла себя. Свою цельность и ясность. Свою искренность и прямоту. Она вдруг испытала то, что понимала только теоретически. Есть темные и низкие желания, которые спят в каждом женском теле, но чаще так и умирают во сне. Есть зло, рожденное от союза таких желаний, ловушки, которые ставит мозгу коварная плоть.

Но от своих привычек Тоня не отступала. Продолжала разнообразить образ: это ее ответственность уже перед многими, едва ли не основная часть дела. Заботилась о внешности, здоровье. В ее жизни появились тренажерные залы и бассейны. Тело стало мускулистым и спортивным, как говорится, пупком можно бутылки открывать. Тоня выбирала новые фасоны-секси, обживала наряды.

Как-то вечером она надела новое платье телесного цвета, облегающее ее, как перчатка, с большим, как водится, декольте и открытыми руками. Ярко накрасилась: лицо должно кричать и слепить, привлекая внимание к эффекту «обнаженного» платья. И решила так прогуляться по улице, чтобы привыкнуть к тесноте этого футляра.

Вечер был теплый и тихий, люди встречались редко, Тоня задумалась сразу обо всем и поздно почувствовала чужое дыхание слишком близко к себе. Она быстро оглянулась. Господи, боясь своих желаний, они могут исполниться! К ней протянул руку мужчина, нет, мужик из придуманной некогда истории. Одет он

был во что-то камуфляжное, дышал на Тоню перегаром. Мужик грубо схватил ее, с идиотским смехом, в полной уверенности, что она именно для этого и вышла. Тоня не растерялась. Она сознательно помедлила: ей нужно было услышать себя. Себя в этом образе. Она выслушала уродливые комплименты из того разряда, который казался ей возбуждающим для спрятанной чувственности. И только потом, после насыщенной паузы, отработанно использовала точный удар коленом в пах, от которого мужик скорчился вдвое. И быстро пошла – ни в коем случае не побежала, – к дому. Мужик мог бы ее догнать, но его энтузиазм легко прошел.

Дома Тоня медленно сняла платье, стерла макияж, а затем с жестоким остервенением сдирала, смывала почти кипятком следы пальцев этого типа, его запах и свое бесконечное отвращение. И была счастлива. Все на месте. Ее инстинкты, ее избирательность ее не подвели. Они не поддержали рискованную игру, затеянную ее мозгом. С этим открытием жить стало легче.

Тоня продолжала принимать посетителей. Теперь ее сеансы стали реже и значительно дороже. Она все чаще участвовала в решении чужих проблем на деле. Это были уже не просто советы и рецепты. Тоня вышла из рамок одной профессии. Она создавала другую, настоящую: ничего наукообразного, умозрительного. Только то, что требуется человеку, попавшему в беду. Она пришла к очень простому выводу: как правило, выход из настоящего, а не воображаемого несчастья может быть только один. Но жертва им никогда не воспользуется, если ей не помочь. Вот она и будет придерживаться лишь настоящих бедствий. Нервы людям пусть успокаивает кто-то другой.

Этот посетитель был не похож ни на кого. Тоня сразу поняла: он не созерцатель, а читатель. Он пришел к ней, потому что поверил ее текстам. И если такому человеку нужна помощь, значит, случилось что-то совсем невероятное и, скорее всего, требующее тайны.

В ее кабинете-исповедальне Илья посмотрел ей в лицо прямо, изучающе. Взгляд был таким долгим, что Тоня прочтала суть. Если ему что-то в ней сейчас не понравится, она так и не узнает, зачем он приходил.

Она ждала спокойно. И сформулировала для себя первое впечатление. Почему он не похож на других мужчин? Потому что в его внешности так прочитывается печаль, та самая, от большого знания. И он ее не стыдится, она не вредит и не противоречит его мужской силе. Он знает ей цену, ее высокую цену. Это,

наверное, любовь. Это какая-то глубокая тоска. Если он останется, если Тоня ему покажется достойной доверия, она все узнает... На такое признание она даже не рассчитывает.

У Ильи были серые, умные глаза, жесткий и властный рот. Седые виски освещали красоту неброского лица. И лоб с темными морщинами опыта и открытий. Да, Тоня никогда не встречала мужчины, который казался бы ей таким привлекательным. Раньше она бы захотела спрятаться от его взгляда. Но теперь все немного иначе. Ее образ может задержать, заинтересовать и такого мужчину. Возможно.

Он решил. Он остался! Илья попросил разрешения закурить и достал айфон. Открыл галерею. Тоня перелистывала снимки девочки, юной девушки. Уже не очень юной девушки. Маленькой, миленькой и аккуратной, как куколка. Девушка менялась, менялась... И менялась все резче, катастрофически. И, наконец, стала чудовищем, ее лицо превратилось в маску из фильма ужасов.

Тоня знала это явление, этот диагноз, это начало конца, этот страшный и стремительный финал юных жизней. Кто-то посоветовал хорошенькой девочке-подростку: стать совсем идеально красивой. Кто-то помог, скорее всего, деньгами. И девочка бросилась доводить себя до совершенства. В дело вступил пластический хирург. Тоня смотрела на снимок, отображающий итог не меньше чем пятой операции. Эти глаза уже наверняка полностью не закрываются, этот огромный рот, давно утративший форму, открывается в механической полуулыбке резинового уродца. А талия под силиконовыми шарами узкая, наверное, с ладонь.

– Неужели удаляли ребра? – спросила Тоня.

– Кажется, – кивнул Илья. – Меня не во все посвящают.

– Это дочь?

– Да. Ася. И ее внешность, как выяснилось, не самая большая беда. А мне казалось, что хуже не бывает. Вы ничего не замечаете на вот этих, последних снимках?

– Что-то со здоровьем?

– Да я не знаю, как вообще в такой ситуации можно говорить о здоровье. Но вроде не жалуется. Ест какие-то крошки и тренируется часами, чтобы на этих костях были мускулы. Считается, что она здорова. Возможно, раз выносит такие истязания над собой. Тут другое...

– Минутку... Я попробую сама. Встречалась с очень похожим случаем. Вот такой прямой, окончательный, темный взгляд. Это не группа смерти?

– То ли группа, то ли просто один негодяй. Магистр, кукловод и убийца. Он убивает мою дочь, а мне, наверное, придется убить его. Больше не могу ничего придумать. Потому и пришел... Вы не попробуете? Без гарантий, разумеется. И непременно без огласки. Никакой общественности и других специалистов.

– Да. Без гарантий.

– Я могу оставить аванс?

– И без аванса.

Они думали, сотрудничали долго и напряженно. Тоня предлагала свой план, Илья что-то принимал, в чем-то сомневался, затем они синхронно перевели дыхание, вытерли одновременно пот со лбов, посмотрели друг на друга и улыбнулись. Начало хорошее.

А потом случилось это... Илья уже уходил и как будто оттягивал время, как будто боялся остаться вновь один со своим несчастьем. Он осмотрелся, задержал взгляд на больших портретах, развешанных на стенах. Потом взглянул пристальнее, подошел ближе... И вдруг расхохотался, обернувшись к Тоне:

– Это вы? Это действительно вы? Невероятно! К кому я пришел!

Портреты на стенах – лучшие работы Стаса. Любой специалист назвал бы их искусством. Это были самые яркие проявления образа Тони, то, что еще никто не видел. Женщина-вамп, женщина-соблазн, женщина-призыв. Самые откровенные наряды и позы, макияж, доведенный до гротеска, выражения – шедевр фотошопа. Илья с горестной насмешкой и недоумением смотрел на интеллигентную, строгую и скромную женщину, которая только что казалась

ему самой мудрой и сильной из всех представительниц своего пола. Смотрел и ничего не понимал.

– Вы решили, что у меня тот же диагноз, что и у вашей дочери? – сухо спросила Тоня. – Отвечу. Нет, как видите. Стою перед вами, умытая, под скальпелем не лежавшая. Но есть и общий момент. Он называется – спрос. Ася стала жертвой этого жестокого и безжалостного спроса, ее кто-то использовал, как валюту. Я – по другую сторону. У меня просто бизнес. Не все, как вы, читают умные тексты. Большинству нужны картинки. Это мои картинки. Я знаю, что нужно будить в людях. Мы работаем, или вы поищете специалиста, более щепетильного в средствах?

– Работаем. Я восхищаюсь вами. И уважаю, как самого необычного человека, которого мне доводилось встречать. А эти изображения... Может, они и помогут там, где пехота не пройдет. То есть там, где бессильны логика и разум. Вдруг Ася поверит вам.

– Вдруг, – поставила точку Тоня на их договоре.

Такого тяжелого, напряженного периода в жизни Тони еще не было. Дела Марии и Аси. Узнать все, понять то, что понять невозможно, наметить план действий, не исключая ничего, самых рискованных и стремительных решений. На кону реальные жизни, судьба двух маленьких детей Марии. Какую-то очередность удавалось выстроить в связи с нерешительностью Марии. Она все приняла, согласилась участвовать, она была психологически подготовлена, слепо доверилась Тоне, но изо всех сил оттягивала час «Ч», находила причины. То насморк у ребенка, то какая-то авария в квартире.

С Асей познакомилась сначала не Тоня, а ее образ. Она вошла на страничку Аси в Инстаграме со своей самой яркой фотографией на аватарке. Вступила в контакт. Ася оказалась изломанным и запутанным человеком. Сумрачное сознание, фантасмагорическая картина в мозгу вместо отражения реальности, физический и моральный дискомфорт на грани серьезных диагнозов. Девушка болезненно жаждала внимания, похвал и в той же степени боялась любых контактов. Она поверила в свою исключительность и прятала тайну о своей ничтожности. Она писала, что хочет только смерти, она явно была в какой-то ловушке без выхода, но, конечно, надеялась на соломинку, на чудо.

Тоня сумела стать этой соломинкой. Ниточкой между приговоренной Асей и остальным миром. В мире, который отвергал Асю, оставалось ее любимое с детства мороженое, там по-прежнему светило солнце и мурлыкали кошки. По этому миру Ася сделала не так уж много шагов, она в нем была хорошеньким ребенком, она собиралась ступить в заманчивую женскую жизнь королевой, и никак не меньше. Прошла сквозь боль и страх ради этого, а оказалась не просто у разбитого корыта. Она оказалась у могилы. И вместо принца обрела лишь страшного хозяина, который руководит теперь и ее телом, и ее желаниями. Ему принадлежат и те деньги, которые ей шлют со всего мира. Миллионы чужих, враждебных Асе людей посылают деньги на то, чтобы она их продолжала развлекать своим видом. А теперь они ждут ее смерти.

Наступил день, когда Тоня внимательно и придирчиво изучила материалы, собранные и систематизированные нанятым ею частным детективом.

– Отлично, – сказала она. – Человек, который напишет заявление в прокуратуру и подаст иск в суд, уже готов. Это обманутый спонсор, который искренне считал, что посылает деньги напрямую Асе. Он хотел, чтобы девочка купила себе домик в Италии и перестала заниматься этим ужасным позированием перед всем светом. Фамилия спонсора Ранцевич, это очень богатый человек, бывший известный хирург. Оставил практику, живет замкнуто и одиноко после трагической гибели дочери. Не вдается в подробности, но, судя по его отношению к Асе, там было что-то подобное.

– Понятно, – сказал детектив Сергей Кольцов. – Я буду готов в любой момент схватить мерзавца за руку. В частности, в тот момент, когда он переведет очередную сумму со счета, который принадлежит якобы Асе, на свои безбедные дела. Он сейчас увлекается недвижимостью. Обстановку недавно выписал из Франции.

У них получилось. Степан Морозов был арестован как эксплуататор подростков и девушек с целью наживы, организатор «группы смерти». На его счету были и другие жертвы, немало денег он получил от поклонников несчастных моделей и наивных спасателей. Речь шла исключительно о реальном сроке.

– Только это и спасет подонка, – сказал старый и печальный Ранцевич. – Он заслужил, чтобы родители растерзали его на части. Я буду настаивать на компенсации всех моих денег, но только для реабилитации Аси.

Поздно вечером Тоня и Илья сидели на ее кухне, не прикоснувшись к бокалам с шампанским, которое он принес, чтобы выпить за победу. Закончился этот нервный детектив с разоблачением и арестом человека, виновного в горе Аси, но стало понятно, как далеки они от победы. Как малы шансы на то, чтобы вернуть девушке нормальную судьбу.

– Шансы есть. Есть разные методики, уникальные специалисты. Есть теперь у нас такой союзник, как Ранцевич. Нужно просто верить, – сказала Тоня.

– Ася тебе поверила, так мне показалось, – грустно произнес Илья. – А я не нахожу слов...

– Тише, – закрыла ему рот ладонью Тоня. – Только без глупостей, без лишних разговоров. Если у меня что-то получилось, это мое везение в такой же степени, как и твое.

Илья смотрел на нее таким долгим взглядом, что Тоня читала его легче, чем черные слова на белой бумаге. Она чувствовала то же самое. Они на такой невероятной грани родства, их объединила такая роковая ситуация, что... Очень страшно торопить события. Есть опасность разрушить все неловким движением, физическим контактом, который – а вдруг – разрушит эту неслыханную духовную гармонию. Тот факт, что они знают друг о друге так мало, желание узнать все, близкая надежда на общее будущее – это богатое начало. Его достаточно для того, чтобы ждать знака судьбы, которая скажет: «Вы действительно созданы друг для друга. Как женщина и мужчина». Это потом.

А пока Тоня поделилась с Ильей своим другим делом. Историей Марии. Была настолько честна, что рассказала о своей тайной идее – заставлять иногда мучителей беспомощных женщин проходить через те же муки. Так же бояться, так же страдать от боли.

– Вот этого точно не нужно, – серьезно проговорил Илья. – Не стоят они того, чтобы из-за них рисковать свободой или профессией. Тот случай, когда разумнее верить в закон бумеранга. Знаешь, иногда он срабатывает. Я видел.

Они расстались перед рассветом и, прощаясь в прихожей, чувствовали тяжесть общего опыта и сладость общих надежд. Тоня подняла руки и повернула их ладонями к нему, он прижал к ним свои ладони. Они соединили свое тепло и

ощущали детскую чистоту своих рук. Только так и могла встретить Тоня свою судьбу.

– Тише, – шепнула Тоня и себе, когда Илья ушел. – Не торопись. Только не торопись.

Когда Константин вышел из своего старенького «Форда» во дворе дома, было уже темно. Он привычно поднял голову к освещенным окнам своей квартиры, постоял, пока за занавеской не прошел женский силуэт. Лицо его – невыразительное, тусклое лицо плохо сохранившегося мужчины среднего возраста – помрачнело, близорукие глаза за стеклами очков уставились в пространство, увидев там свою главную цель. Константин направился к подъезду неторопливо, сунув руки в карманы, по дороге вытащил банку с пивом, выпил залпом с наслаждением. В автосервисе он работал, не давая себе времени даже на короткий обед, и так мечтал об этих глотках, утоляющих жажду. Его обычную, особую жажду. Тело требует холодной влаги, а иссушенная ревностью душа жаждет грозы очистительных эмоций и победы над своими демонами.

На площадке у своей квартиры Константин привычно потянул носом воздух и определил, что сегодня у Марии на ужин. Он открыл дверь, вошел, снял и аккуратно поставил на коврик туфли, положил на полочку очки. Отсюда ему хорошо видна гостиная, где за круглым столом сидят сыновья – Вася и Паша. Дети приоткрыли ротки от любопытства и только взмахивают ресницами, их глазки горят интересом. Мария певучим, нежным голосом читает им очередную сказку. Кажется, на этот раз Андерсен.

Вот и начало их вечерней встречи. Голос Марии дрогнул, она еще не посмотрела в его сторону, но уже знает, что он пришел. Что ее наказание пришло. Она так и не повернулась к Константину на этот раз. Закрыла книжку, ласково сказала детям, что продолжение дочитает завтра, а сейчас они посмотрят кино, пока она поговорит с папой и подаст ему ужин.

Мария включила подготовленный заранее мультик на самую высокую громкость, поставила перед мальчиками по большому стакану с теплым молоком на ночь, прикрыла дверь комнаты и встала перед Константином. Они не произнесли ни слова. Он снял и повесил на вешалку рубашку, она направилась в ванную и взяла в зубы полотенце.

Все было как всегда. Момент его высшего возбуждения, его власть, его компенсация за человеческую сдержанность, за долгое терпение, за униженность, которая разъедает его всегда изнутри, как ржавчина. И да – он давно себе признался, что именно так получает свое главное мужское удовлетворение. Это самое прелестное женское тело, какое он только может себе представить, корчится в его руках, и красота превращается в использованный, истерзанный предмет. Его предмет.

Но вдруг что-то пошло не так. То ли он забылся и нанес удар по жизненно важному месту, то ли Мария сегодня больна, но она вдруг расплзлась по полу и, кажется, перестала дышать. Константин склонился над женой, потряс, вытащил полотенце из ее рта. Рот не закрылся, а вдоха он так и не заметил. И глаза полузакрыты. Лицо не просто бледное, а почти голубое.

Константину на миг стало страшно до озноба. Он прижал руку к ее груди. Мария была теплой, биение сердца он поймал, но сердце билось очень слабо, так ему показалось.

Константин поднял обнаженное тело жены и перенес на кровать. Потом вернулся в ванную, смыл кровь с рук и пола. Умылся холодной водой и вошел к детям. Сегодня не до ужина. У него хватило выдержки дождаться, пока закончится мультфильм, поговорить с мальчиками, сказать, что мама спит. Он даже помог им умыться перед сном и почистить зубы, затем отвел в детскую. Мальчики уже умели сами надевать пижамки и укладываться. Константин побыл в их комнате, пока она не наполнилась детским сонным сопением, затем погасил ночник и медленно вышел в коридор. У спальни он стоял несколько минут, набираясь духу. Думал только об одном. О том, что никого не может вызвать сейчас – ни «Скорую», чтобы вернуть Марию к жизни, если она без сознания. Ни полицию, если она умерла. Следы на ее лице и теле – это его срок. Это детский дом для его детей. Нужно срочно что-то придумать.

Константин был так поглощен своими мыслями, что не сразу заметил, что входная дверь открывается. В скважине поворачивался ключ, он лишь успел подумать о том, что ключ кому-то могла дать только Мария. И вот рядом с ним стоят незнакомые люди. Женщина и два мужчины. Они смотрят спокойно и строго.

– В чем дело? – нервно спросил он. – Кто вы такие?

– Пройдите в комнату, Константин, – сказала женщина. – Сейчас вы все узнаете.

У стола один из мужчин подтолкнул его к стулу, сам сел рядом очень близко. Второй достал фотоаппарат. Женщина положила перед ним какие-то документы. Константин пытался что-то увидеть, но без очков все расплывалось, к тому же глаза как будто были залиты горячим потом.

– Я плохо вижу, – глухо сказал он. – Что здесь написано?

– Здесь написано, что я, Антонина Ближенская, представитель организации «Правовая инициатива», руководитель комитета по борьбе с семейным насилием. Мы, кстати, виделись, я ведь была у вас на работе. Не помните?

– Что-то такое помню... Приставали ко мне насчет детей, что ли? Это Мария жаловалась?

– Нет, не она. Мы сами ищем таких, как вы. Как ищем – наши проблемы. Короче, Константин, пока полиция не в курсе, я даже службу опеки не поставила в известность. Дело именно в судьбе детей. Сейчас мы разберемся, насколько серьезно то, что произошло, а затем должны очень взвешенно все решить. Конечно, если состояние Марии очень тяжелое, – тут ничего не поделаешь. Что будет дальше – сами понимаете.

– Сиди тут, – сказал Константину суровый мужчина. – Желательно не дыши. Мы пойдем к твоей жене.

Илья встал, кивнул Стасу и пропустил вперед Тоню. Они открыли дверь в спальню, Тоня зажгла свет. Женщина на кровати лежала совершенно неподвижно. Это не было похоже на сон. Казалось, она даже не дышала.

– Ох ты! – вырвалось у Ильи.

– Спокойно, – проговорила Тоня. – Она жива. Это просто хитрое, безопасное лекарство. Немного угнетает дыхание, дает такой цвет лица. Но Мария спит. Сейчас проснется. Просто от ватки с нашатырем.

Стас по-деловому зажег все настольные лампы и бра, приготовился снимать. Тоня прижала к носу Марии ватку, та зашевелилась, шевельнула ресницами, стала розоветь. Тоня подняла одеяло. Люди на мгновение утратили дар речи. Таким невероятным было это зрелище. Редкой прелести женское тело в узоре из старых и свежих кровоподтеков, синяков и шрамов. Так они и стояли под щелканье кадров в фотоаппарате Стаса.

– Как ты? – склонилась над Марией Тоня.

– Нормально, – шепнула Мария. – Я боюсь. Где дети? Где он?

– Все на месте пока. Тебе нужна помощь врачей?

– Нет, конечно. Я просто спала.

– Встать сможешь?

– Попробую. Ноги слабые. Пусть мужчины выйдут.

– Да, конечно. Фотограф снимал на всякий случай. Для суда, например... Илья, объясни Константину наши требования. Я помогу Маше. И сейчас приедут наши девушки из оздоровительного детского центра. Места для Васи и Паши готовы, девочки отвезут их в лагерь на две недели. Ты, Маша, за это время придешь в себя, заберешь их сама.

– Тоня, ты мне сказала правду? – строго спросила Мария. – Костю точно не отвезут в тюрьму?

– Да, черт побери! – вдруг выругался Илья и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

– Конечно, – ответила Тоня. – Наш уговор в силе. У него есть дача матери, туда он и поедет.

Она принесла Марии стакан с крепким горячим чаем, помогла встать, довела до ванной. Вошла в гостиную и застыла на пороге. Константин лежал на полу, хрипел и плевался кровью, Илья промокал белой салфеткой разбитые костяшки кулаков. Он спокойно посмотрел на Тоню и сказал:

– Я подумал, что твоя идея, которую мы сначала забраковали, не так плоха. Да, надо дать возможность человеку испытать то, он готовил для других. Вдруг окажется, что получать так же приятно, как давать, не так ли, мой друг? – Илья повернул Константина на спину ногой. – Вставай. Теперь все придется делать самому.

В дверь уже позвонили. Стас впустил двух симпатичных, приветливых девушек, которые привезли игрушки и корзинку с разными вкусностями в дорогу. Тоня познакомила Марию с девочками, проводила до детской. Сама застыла в коридоре на несколько минут.

Это были самые тяжкие минуты в ее жизни, в этом она не сомневалась. Тоне не показалось, что в выдохе Ильи, в этом «ох ты!» при виде Марии, был не ужас, а восхищение. А потом, когда Стас делал снимки для возможного дела и видел только раны, которые нужно было снять четко и крупно, Илья смотрел на Марию, как на главное чудо Земли. И Константина он избивал, как личного врага, как за свою женщину. Судьба Тони, которая с таким трудом подчинилась ее желаниям и надеждам, – так коварно вывернулась, проявила дикий, неукротимый и жестокий нрав. Так много дала, чтобы вмиг отнять, уронить в самую черную нищету. Туда, где одиночество позорно, потому что ему стыдно смотреть в лицо. Тоня сжала ладони, еще согретые теплом рук Ильи, и поймала пустоту.

В гостиную она вернулась собранной, она все решила.

– Вы обо всем договорились? – спросила она у Ильи, как будто не было никакого мордобоя.

– Да, конечно. Константин едет на дачу, остается там до тех пор, пока я не скажу ему, что делать дальше. С его работой завтра все уладим. Стас проводит его до места. На всякий случай запишет там его монолог. Константин признается в своих ошибках и попросит развода, отметив, какой хорошей матерью для детей является Мария. Если захочет, сможет пожаловаться на нервы или серьезные проблемы с психикой. Пообещает исправиться.

– Хорошо, – кивнула Тоня. – А тебе, конечно, лучше остаться с Марией. Ты говорил, что знаешь хороших врачей, вдруг она согласится. Так и поступим. Я поеду домой прямо сейчас, на такси. Не думала, что все будет так тяжело и так хорошо закончится. Валюсь с ног. Посплю пару часов. А потом... Ты не

представляешь, какое у меня событие сегодня. Ася сама попросилась приехать ко мне в гости. Говорит, что в первый раз за полгода выйдет из квартиры.

– О боже! Тоня, я все жду момента, когда смогу тебе сказать те слова, которых никогда и никому не говорил. Потому что нет таких людей, как ты. И слов этих я еще не нашел.

– У тебя будет такой момент, – улыбнулась Тоня. – Вот разведем все тучи руками и спокойно скажем друг другу хорошие слова.

Самым тяжелым, почти невероятным было заплакать. Слезы из запекшейся души к иссушенным глазам не шли. Тоня пила водку и валерьянку, стояла под холодным душем, лежала в ванне практически с кипятком. Пару раз вылетала на улицу и металась по темным дорожкам, умоляя рассвет, чтобы он никогда больше не заглядывал на землю. Она все знала.

Утром взвоят Константин, которого они лишили всего. Утром дети Марии проснутся в теплых кроватках оздоровительного центра и обрадуются приключению. Утром Мария рассмотрит, какой мужчина упал к ее ногам просто так, как подарок небес. Утром Илья, самый сильный и мудрый, самый великолепный из людей, с благодарностью вспомнит ее, Тоню. И это будет благодарность не за спасение дочери, а за свое мужское счастье, на которое он и не рассчитывал.

Тоня была для него другом, он присматривался к ней, чтобы создать правильный союз – по уму, а не по страсти. Но не бывает так у мужиков! Образ, который Тоня вымучивала из самых темных и опасных представлений о соблазне, явился в кровавом ореоле жертвы, прошлепал босыми ногами, взглянул измученными и томными глазами. И все перевернул в таких сложных душах и жизнях. А Тоне нужно к утру убить свой образ.

Она заплакала, горько и обильно, когда в квартире было уже совсем светло. Она стояла на коленях перед большой картонной коробкой, которая стала гробом для ее образа. Все великолепные фотографии, блестящие работы Стаса, иллюстрации побед Тони за последние месяцы покоились здесь. Тоня оплакала своих клонов, которые стали ее родней. Заклеила коробку скотчем со всех сторон и позвонила консьержу, попросила, чтобы вынес на самую дальнюю свалку.

Затем собрала себя, выпила большую чашку черного и горького кофе и поехала в маленький, почти закрытый бутик. За полчаса до приезда Аси она была готова.

Ася вошла в квартиру робко, она вообще неуверенно передвигалась на своих ногах, которые отвыкли от нормальной ходьбы. Ее ноги, как и все тело, знают только комплекс упражнений для наращивания мышц. У девочки садится зрение, ей тяжело таскать силиконовую грудь, накачанные губы сто лет не улыбались. Но все это не убило в ней девчоночье любопытство, интерес к внешности другой женщины.

– Какая ты! – восхищенно вдруг сказала Ася, внимательно рассмотрев Тоню.

Тоня не сразу даже поняла, в чем дело. Она готовилась к этой встрече, сознательно не глядя в зеркало, на ощупь.

– Спасибо, – кивнула она. – Мне очень важно твое мнение. В тебе есть стремление к совершенству. В этом смысле ты похожа на своего отца. Только он ищет совершенство в других, ты увлеклась поисками в себе.

– Тебе кажется, что я похожа на папу? Ты правда так думаешь?

– Да. Почему тебя это удивило?

– Потому что он такой... Мы с мамой были как ощипанные курицы рядом с ним. И мама вечно кричала, что он делает ее дурой. А когда он ушел, она сказала мне: «Если хочешь чувствовать себя женщиной, беги от таких мужчин, как твой отец. Они нас убивают». А чего от них бежать? Я больше таких и не видела. Но папа мне так нравится, что я и мечтать не могла о том, чтобы быть на него похожей.

– Мы поговорим и об этом, – сказала Тоня. – А пока забирайся в это кресло, можешь с ногами. И давай поговорим о тебе. Ты хорошо помнишь себя девочкой? Лет двенадцать-четырнадцать?

– Конечно. Я помню каждую минуту. Так мне кажется.

– Какой ты была?

– Страшной, – уверенно сказала Ася. – Я была очень страшненькой. Мне было стыдно ходить по улицам.

– Такое у тебя воспоминание, – задумчиво произнесла Тоня. – А давай кое-что посмотрим. Я сделала небольшой самодельный клип. Музыка, цветы и фотографии. Задвину шторы, чтобы свет не мешал.

Музыка была томительной и страстно-печальной. Розы пили росу. Цветы шиповника дрожали от встречи с золотистыми пчелами. Тоненькая девочка с русыми косичками смешно морщила нос в веснушках, пытаясь смотреть на солнце. У девочки были зеленые глаза, розовые губы и пшеничного цвета брови. Потом набежали тучи, девочка нахмурилась, глаза стали совсем темными, нежное личико засветилось в сизом сумраке... Она смеялась, она бежала, она стояла с букетом на школьной линейке. И медленно шла в своем первом длинном платье рядом с серьезным мальчиком в черном костюме. Она шла к выходу из детства...

Слезы безостановочно текли по застывшему, раскрашенному лицу Аси. Так, что намокла роскошная блузка и нарощенные волосы-букли цвета яркий блонд. Даже подлокотники кресла были мокрыми от слез.

– Какая жалость, да? – спросила Тоня. – Такая милая девочка, такая веселая, естественная, вдруг взяла и отравила себе детство, взросление, выбрала путь мучений и заточения. Ради иллюзии, в угоду самым пошлым и примитивным взрослым представлениям. Я причинила тебе эту боль для того, чтобы отметить путь обратно. Возвращение в свободную жизнь, без догм и ограничений. Без физического дискомфорта. Так мы справимся и с моральным грузом. С твоей депрессией. Это все возможно. Есть множество новых методик. И есть твой отец, твой друг доктор Ранцевич, которые ничего не пожалеют для твоего счастья и здоровья. Я буду рядом. Только верь мне.

Тоня посадила Асю в машину с водителем, которую ей подарил Илья, простилась и поднялась в квартиру. Подошла к зеркалу. Посмотрела: что же так понравилось Асе, заложнице своего образа?

Да, круто она повернула свою внешность. На Тоне был брючный костюм со свободными брюками и подчеркнуто мешковатым пиджаком, рубашка под горло. Прямые волосы подстрижены до плеч. Чуть подведены глаза, немного бежевой

помады. И выражение... Совсем не то выражение, которое придавал ее портретам Стас. Тоня и сама бы поверила женщине с таким серьезным выражением лица. И что странно: ее удлиненное лицо, ее волевой и тяжелый подбородок, ее резкие, тонкие носогубные морщины-стрелы – все это вдруг показалось очень женственным. То ли в почти мужском наряде дело, то ли что...

В дверь позвонили, Тоня взглянула на часы. Это Стас, принес материалы, взятые с видеокамер в квартире Марии, снимки. Она открыла дверь. Стас вошел и остановился в прихожей, пристально разглядывая ее. Тоня пыталась прочесть впечатление по его лицу, но лицо фотографа было непроницаемым.

– Такое решение? – констатировал он. – Отлично. Я так понял, прощай, Барби в возрасте ранней Бриджит?

– Ну да. Извини, я без сил. Тяжелый сеанс с Асей. Пойдем, просто посидим. Выпьем красного вина. День выдался на редкость чудовищный.

Нет на свете более удобного человека, чем Стас. Желание клиента – всегда закон. С ним так легко дышать, страдать, горевать и быть наедине с собой. И говорить с ним не нужно. И из костюма унисекс можно выскользнуть и остаться в одной длинной рубашке. Стас ее снимал всякую, его можно не стесняться. «Да здравствует смертельная усталость, – думала Тоня. – Она и есть блаженство».

И тут позвонил телефон.

– Здравствуй, Тоня, – сказал Илья. – Мне звонила Ася. Это чудо, – то, что тебе удалось. Я...

– Тише, – произнесла Тоня. – Мы же решили: для всяких слов выберем специальное время.

– Да, конечно. Я, собственно, и об этом. Мы с Марией приглашаем тебя и Стаса в субботу. У нас что-то вроде помолвки, встреча для самых близких людей. И я скажу тебе, как ты мне дорога. Как ты нам дорога. Я найду слова. Ты приедешь?

– Да, разумеется... Ох, прости, совсем забыла от радости. Я ведь завтра уезжаю на симпозиум в Питер. Только что позвонили. Изменить ничего нельзя. Это дней

десять-пятнадцать. Я потом позвоню. Только прошу вас: не отменяйте из-за меня помолвку. Стас приедет. А я потом вас поздравлю. Посидим втроем.

Тоня быстро разъединилась. Положила на стол телефон, хотела взять бокал с вином. Но руки так дрожали, что у нее ничего не получилось. И туман в глазах. Она попыталась разжать зубы, чтобы попросить Стаса уйти. Впервые в жизни Тоне показалось, что она теряет сознание.

– Эй, ну-ка соберись! – негромко произнес Стас ей прямо в ухо и крепко, до боли сжал ее плечи. – Ты хочешь меня прогнать, свалиться в обморок и помирать, закрывшись от всех, чтобы изобразить командировку, так? Я не дам тебе все это сделать. Разве что последнее. Ты имеешь право разрушить созданный мною образ, но я не позволю тебе убивать человека, которого я уважаю. Ты нужна многим. Не веди себя как истеричная баба.

– Да куда уж мне до истеричной бабы, – горько произнесла Тоня. – Я вообще к женщинам имею условное отношение. Меня уважают, благодарят и приглашают на помолвки.

– А знаешь, да, – вдруг произнес Стас и сел на подлокотник ее кресла. – Илья – мужчина на сто процентов, я вычисляю эти проценты в уме, как на калькуляторе: профессиональная привычка фотографа. Мария – женщина на сто пятьдесят процентов. У них не было шанса не притянуться. А ты – человек над другими, в моем представлении – над всеми. Ты не хочешь никому помогать, ты блажишь по поводу спроса на сексапильный образ, а сама живешь совсем не так, как другие люди. Я не умею так красиво говорить, как ты. Но я вижу твой настоящий образ. Я просто хочу на него смотреть. Умная душа – вот твой образ. И только такой прожженный спекулянт образами, как я, может тебе сказать: ты – счастье, которое не всем по уму и зубам. Если бы у меня хватило духу, я бы тебя споил, дал бы возможность сойти с ума от ревности, пореветь, натворить бед, а потом бы утешил. Я бы тебе сказал, что меня можно обложить сотней голых Марий, а я буду хотеть только тебя, в этом твоём новом образе небрежного денди. Из этого мужского костюма наконец вырвалась на свободу уникальная женщина. Моя женщина. К которой я никогда не притронусь, пока не узнаю, что не противен. И больше ничего не нужно: только знать, что не противен. Что могу не уходить далеко. Остаться на всякий случай.

И он просто остался. И через годы повторял Тоне эти слова. И она всякий раз пугалась, что могла бы тогда оттолкнуть Стаса. Любовь – это часто не то, что мы

думаем.

Морской козел

Несчастье было таким жестоким, таким непоправимым, что оно просто придавило Артемия Петровича. Он уже не первый час полулежал на диване, хватая воздух открытым ртом. Он видел себя со стороны, знал, что похож на большую, белую, умирающую на суше рыбу и не мог даже шевельнуть рукой для собственного спасения. Вот она, смерть в одиночестве. Артемий всегда понимал, как это страшно. Но теперь, в этот черный беспросветный миг, он приветствовал свое одиночество. Никого не хотел бы он видеть сейчас рядом с собой. И не нужен ему пресловутый стакан с водой.

Несчастье, которое его убивало, называлось унижением. Он бы предпочел сгореть заживо на костре, только не это. Не издевательское, садистское, предательское истребление всего, чем он жил. Не взрыв, который разнес в клочья его иллюзии. Артемий никогда не допускал сомнений в своей исключительности. Его жизнь, по сути, – это поиск подтверждений. Он их находил! Подтверждения были произнесены, были написаны на бумаге. Они были правдой! И все завалено, задавлено парой чудовищных, преступных фраз. И горше всего то, что он поверил именно этим фразам. Прекрасной руке, которая их написала.

Он сумел изменить позу, скрючиться между диванными подушками. Боль была острой и нестерпимой. Но вздохнуть удалось. Значит, это не сердце, не инфаркт. Значит, это душа. Душа материальна, раз так страшно болит, как будто ее режут скальпелем без наркоза.

Он добрался до ванной и понял, что лежал на диване, умирая, вечер и полночи. Вспышка яркого светильника у зеркала обожгла слизистую глаз. Артемий смотрел сожженными глазами на отражение седого, мятого и жалкого старика. Он думал, что ничего ужаснее в жизни не видел. Этот богатый старик – нищее ничтожество. Он – посмешище. Он – повод для грубой шутки той, в ком наконец нашел идеал. Над ним надругалась, его растоптала и отбросила со смехом ногой та, которой он готов был служить на коленях. Та, в которую он вложил все свои надежды и свою последнюю страсть.

Артемий Гусаров был писателем. У него выходили красиво изданные, дорогие книги, его узнавали по портретам. О нем печатали длинные хвалебные рецензии серьезные критики с именами. Артемий вел переговоры с продюсерами и режиссерами об экранизациях. Были даже ролики с голливудским, очень известным продюсером, который говорил: «Гусаров – это будет бомба в кино». Проходили годы и десятилетия, но обещанной бомбы все не было.

Это и не бывает просто, понимал Артемий. Надо работать. Надо встречаться, объяснять, рассказывать. Надо, наконец, чтобы его романы прочитали по-настоящему профессиональные люди со вкусом и способностью понять чужую богатую душу. Душу гения. Артемий давно уже сказал себе это слово. Иначе ведь и не назовешь творца, который не может не общаться с миром с помощью таких произведений. Каких? Таких, которые будут окончательно поняты не сегодня. Они прозвучат и через века. А пока на их пути мелкая человеческая суета, низменные интересы, заказы, авансы, корысть тех, кто понимает ценность культуры лишь в суммах прописью...

И Гусаров щедро платил. За свои интервью в газетах, за портреты, за обещания продюсеров, за издания и переиздания книг в разных странах. Он начал издаваться, будучи богатым человеком. И был уверен, что каждую минуту приближает свой формат существования. Известность и богатство – это уже есть. А впереди вкус настоящей славы. И в качестве бонуса – прекрасная, идеальная спутница жизни, которая оценит его гений совершенно бескорыстно. Она просто полюбит. Она не сможет не ответить на его призыв, когда он найдет такую женщину.

До сих пор идеальный женский образ существовал лишь в его произведениях. А по жизни прошлись склочные, жадные бабы, которые семьей считали ежедневную пошлую торговлю. Они вырастили его дочерей своими подобиями.

Артемий до боли сжал веки. Он понял, что не может больше смотреть на себя. Что не сможет раздеться и увидеть дряблое, обвисшее тело. Тело никому не нужного, забракованного, заклеяменного мужчины. Тело козла.

Он добирался до кровати, держась за стены. В темноте лег в одежде поверх покрывала. Провалился то ли в обморок, то ли в тошнотворное забытие, в просветах призывал ночь, чтобы послала глоток свежего воздуха. Ему казалось, что он задохнется от собственного нечистого запаха. И ночь сжалась. Ночь

послала... Тот самый день.

Артемий очень хорошо выглядел в тот день. Парикмахер в гостинице Иерусалима красиво уложил его богатую серебряную гриву. Его светло-карие глаза сияли в зеркале, как на самых лучших портретах. Это был взгляд мудрого человека, который любит и понимает всех людей, а сам даже не претендует на понимание. Его устраивает его положение непонятого гения, которого каждому только предстоит узнать и понять. Белая рубашка и бежевые брюки отлично сидели на крупной, статной фигуре. Он всего несколько дней в стране, побывал на двух пляжах, а морской воздух уже позолотил его кожу.

Артемий приехал на книжную ярмарку Иерусалима. Организаторы его отлично встретили. Его книги занимали почетное место. У стенда постоянно толпились журналисты. Артемий такие мероприятия никогда не пускал на самотек. Он шел легкой, энергичной походкой, улыбался знакомым. Подписывал желающим авторские экземпляры своих книг. Он всегда дарил книги, не допуская, чтобы читатели покупали их.

Эту женщину он заметил, когда вошел в маленькое кафе выпить кофе. Хрупкая, нежная, с прекрасным лицом, которое показалось ему знакомым. Он так ей и сказал, остановившись у столика, за которым она пила воду со льдом.

– Я не мог вас где-то видеть? – И представился: – Артемий Гусаров, писатель.

– Меня вряд ли, – улыбнулась женщина. – А мои фотографии могли видеть на книжной ярмарке. Как я видела ваши. Меня зовут Кристина. Кристина Карева, вряд ли вы слышали это имя. Я пишу скромные дамские романы. И читают их только женщины. В основном домохозяйки.

Артемий опустился рядом с ней за столик. На самом деле он просто пал, поверженный. Он мог бы придумать такой женский образ. А написать бы побоялся, так это было нереально. И просто не может быть, что такая женщина встретила его в этом маленьком кафе, в этом жарком и благоуханном городе, на пороге его будущих громких триумфов. В этом месте они казались такими очевидными.

Вечером они гуляли по городу. Затем пили кофе в его номере. Артемий не узнавал себя. Он не говорил о себе, он расспрашивал о ней. И все, что говорила

Кристина, казалось ему откровением. Он попросил ее рассказать содержание хотя бы одного ее романа и почувствовал, как слезы потрясения, изумления закипели у него в глазах. Ее сюжеты были очень женские, и звучали они пронзительно по-женски, а в его сердце это нашло острый и щемящий отклик. А сама Кристина... Она нравилась ему так отчаянно, бешено, нестерпимо, что он боялся лишнего слова и вздоха, чтобы не выдать себя и не отпугнуть ее. И слышал, как будто со стороны, свой робкий голос, свои корявые слова, каких никогда вроде не произносил. Он говорил: «Я вас по-дружески уважаю, я вами профессионально восхищаюсь, я готов вас на коленях по-дружески благодарить за искренность и внимание ко мне».

Кристина уехала на такси с пакетом его подарочных изданий. Артемий даже не решился ничего написать над автографом. Он и автограф не поставил. Просто написал школьным почерком: «Гусаров».

Ночью Артемий пролетел свою мужскую жизнь в обратном направлении – к точке, с которой она начиналась. Он ворвался в тот незабываемый, чистый и беспощадный огонь.

Свою раннюю юность Артемий преодолевал в строгой, пуританской семье. В такой семье детям не говорят правду о том, как они появились на свет. Тайна отношений родителей за семью печатями. Муки собственной плоти, очень долго не понятые, не расшифрованные, застали Артемия врасплох. Ему не с кем было этим поделиться. Его тело рвалось на части, сердце билось на пределе, а он даже не знал, чего именно хочет. Он не знал, как называется то, что с ним происходит. Почему его бросает в жар при виде колена соседки. Обычной тетки, которая еще вчера была ничем не примечательна. Почему он взмокает до нитки, налетев на девочку-одноклассницу, которую недавно даже не замечал. А по ночам он пылал и мечтал. Он страдал и находил в том высшее счастье.

Юный Артемий влюблялся в собирательный женский образ из чужих книг. Его первым опытом любви были, пожалуй, эротические сны с бесплотными видениями. Они мало общего имели с живыми женщинами, которых он встречал. Наверное, именно так он и поверил в свой талант: воображение помогало ему преодолеть контраст между тем, о чем он мечтал, и тем, что получал. Где-то в этом постоянном раздвоении и родилось представление об особой миссии, о собственной уникальности, о том, что результат должен готовить ты сам. Это твоя работа.

И Артемий строил свое здание будущего неумолимо. Фундамент – деньги, это было яснее всего. Он вошел в бизнес, скрывая от всех, что это абсолютно неприемлемый для него способ существования. Просто в жизни все так грубо. Жизнь в принципе приспособлена только для грубых людей. И он должен ее обмануть. Что-то захватить, урвать ради только ему понятных высоких целей. Юношеский тайный восторг и трепет стали горько-сладким прошлым. А по жизни Артемий встречал обычных женщин, попадал в тюрьму неудачных браков и приходил к выводу о том, что только гениям и даны несбыточные мечты о страсти к идеалу. И посылаются они свыше тем, кому суждено оставить миру бессмертные творения.

И в ночь после встречи с Кристиной все прежние желания вернулись. Вернулись в самом немыслимом варианте. Он встретил тот идеал, ту мечту мальчика-мужчины, которой просто не могло быть на грубой и некрасивой земле. Но он встретил ее! И в этом не могло быть сомнений. Такой страсти, какую он в эту ночь испытал, вспоминая ее взгляд, ее губы, прядь волос, – такой страсти он не мог себе даже представить. Видеть перед собой в темноте ее грудь под закрытой блузкой, ногу под шелковой юбкой было высшей мукой и высшим наслаждением. Артемий даже боялся представить себе наготу Кристины. Его сердце могло бы разорваться.

А в эту ночь он видел только взрыв. Все взорвалось – тот день, те мечты, слова и встречи. Остался он один под пеплом и обломками.

Тогда, в Иерусалиме, журналистка Лена Чернова допоздна работала на книжной ярмарке, записывала интервью с авторами. Потом решила позвонить своей приятельнице – автору дамских романов, чтобы выпить с ней кофе и обсудить сегодняшний день.

– Кристина, не спишь? Ты что! Что с тобой? Ты плачешь?

– Рыдаю, – еле сумела выговорить Кристина. – Ты далеко? Заходи ко мне.

Когда Лена влетела в номер подруги, та шагнула к ней навстречу – красная, растрепанная, с залитым слезами лицом... Лена не успела испугаться. Кристина сползла по стенке на пол, простонала «ой, не могу», и через мгновение они обе, сидя рядом, хохотали до икоты. Кристина умела очень заразительно смеяться,

она была так смешлива, что выходила из этого приступа с трудом.

Когда они добрались до комнаты, Кристина, пытаясь вернуться в нормальное состояние, посадила Лену в кресло и показала ей стопку красиво изданных книг. Одна книга была открыта.

– Ты Гусарова читала? – спросила она Лену.

– Нет. Видела, конечно, но как-то руки не доходили. Так плохо?

– Так хорошо! Так немыслимо, невероятно чудесно. Никакой пародист так над человеком не поиздевается, как он сам. Но он пишет всерьез. Понимаешь, он пишет шедевры! Какими себе их представляет. Прочитай этот абзац.

– Боже, – простонала Лена, пробежав глазами страницу. – Ты уверена, что он это пишет всерьез?

– Сто процентов. И больше.

– Какой козел. Он идиот?

– Да нет. Он милый, трепетный и доброжелательный дядечка. Такой Санта-Клаус с белыми кудрями. У него просто что-то с мозгами. Они у него, как будто у младенца, который набрался взрослых глупостей. Дай я тебе еще кое-что прочитаю... Ой, не могу. Я помираю, Лена. Дай мне воды, а еще лучше – вина. Я насмеялась сегодня на целый год. Надо это отметить.

Такая странная встреча случилась на книжной выставке в Иерусалиме. Мужчина нашел свою судьбу, а женщина даже не поняла, в какую нелепую ситуацию попала. И ей не удалось оставить это событие в качестве забавного эпизода в сюжете своей жизни.

...Утром обессиленный Артемий так и не дошел до ванной, так и не поел, не попил. Он отказался от мысли позвонить своему врачу: как он объяснит причину ужасного недуга? Разве у этой болезни может быть название? Можно ли назначить лечение? Артемий позвонил своему агенту, юркому и услужливому

пареньку двадцати пяти лет.

Дима Зимин не один год удачно подворачивался под руку щедрому, амбициозному и крайне наивному автору, который так выделялся на фоне прожженных профессионалов. Никому, кроме Артемия Гусарова, Дима не взялся бы развивать мысль о своей безграничной и бескорыстной преданности. Исключительно во имя результата, во имя продвижения шедевров, который мир должен открыть для себя, если хочет быть измененным в лучшую сторону. Когда Дима говорил эти кондовые слова растроганному Гусарову, тот даже не сообразил, что он вычитал все нужные слова в его же книгах и интервью. Гусаров даже не допустил такую мысль. Ему была ближе идея об общей волне, о счастливом совпадении интеллектов и целей. А тот факт, что юноша оставляет за собой только техническую роль подачи чужого творчества, убеждал Гусарова в том, что Дима Зимин – подвижник. Личность, которая видит свое назначение в высшем служении гению. Это так благородно. И хотя Дима, разумеется, готов был все делать бесплатно, разве что за обед и ужин, Артемий постарался, чтобы мальчик ни в чем не нуждался. Он ведь ради него оставил работу в престижной редакции.

И был момент в их отношениях, когда Артемий, разочарованный полным безразличием своих дочерей, заговорил с Димой о завещании. Главным моментом в этой идее была судьба творческого наследия, конечно. Артемий не видел больше никого, кому это было бы важно. Ну, а солидное состояние, особняк и две квартиры просто прилагались. Юноше нужно на что-то и где-то жить, пока он пробьет толщу человеческого непонимания, продвигая шедевры своего кумира.

Этот разговор был как раз перед книжной ярмаркой в Иерусалиме. После возвращения в Москву Артемий тему не поднимал. Но как-то бросил вскользь, что у него немного изменились жизненные планы. Точнее, сильно изменились. Он нашел не просто соратника, но единомышленницу, которую хотел бы видеть самым близким человеком. Дима, что называется, проехал. Не выдал никакой реакции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylova_evgeniya/vernost-kak-spasenie-sbornik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)